

Пэй Мин тихо рассмеялся.

Он перевёл взгляд на Юэ Сючжи, который ни о чём не подозревал, скользнул взором по его безупречному профилю, словно пытаясь разглядеть сквозь навязанную личину Жун Цзиня истинный облик этого человека.

Внезапно, без всякого предупреждения, он замер. Перестав следовать за стремительным бегом Юэ Сючжи, он остался на месте, позволяя расстоянию между ними неумолимо расти.

Он просто стоял и молча провожал его глазами, пока тот не превратился в крошечную точку и окончательно не растаял вдали.

«Юэ Сючжи...»

«Кто же я для тебя? Обычная игрушка в твоих руках? Глупец, чьей жизнью ты безраздельно управлял от начала и до самого конца?»

Когда ты видел моё отчаяние, мою радость, моё безумие и мою скорбь... потешался ли ты втайне над моим легковерием?»

Пэй Мин в облике призрачного духа неподвижно застыл на месте, но в его взоре разгоралось пугающее, безумное пламя.

В Основном мире, глубоко в чертогах Божественного царства, с грохотом распахнулись массивные двери каменной обители. На порог ступил угрюмый бог, облачённый в иссиня-чёрные одежды.

На этот раз он не стал созывать божественных посланников, а в одиночку отправился в Секту Скрытого Истока.

Не желая тревожить покой обитателей, он не стал входить через главные врата, а сразу перенёсся в запретные земли ордена — к усыпальнице Юэ Сючжи.

Вглядываясь в холодный могильный камень, он медленно приблизился и коснулся ладонью высеченных на нём иероглифов.

«Близкий друг Юэ Сючжи».

Могила была скромной, почти бедной, но надпись на ней вырезали с величайшим старанием. В каждой черте, в каждом изгибе сквозила глубокая, непреходящая скорбь.

Проводя пальцами по камню, Пэй Мин словно наяву видел, с каким сердцем Лу Фаньи высекал это имя. Тот вечный насмешник и балагур наверняка рыдал навзрыд, не помня себя от горя.

«Ты был его названным братом, преданным другом. Когда тебя замучили до смерти, он имел полное право кричать от невыносимой боли.

Но как быть мне? Что делать мне? Должен ли я оплакивать тебя, скорбя о твоей страшной кончине, или же видеть в тебе заклятого врага и злорадно смеяться, торжествуя твою заслуженную кару?

... Только вот почему мне совсем не смешно? Стоит лишь представить, через что тебе пришлось пройти перед смертью, как сердце сжимается от боли, будто его режут на куски. Какой же ты беспощадный... Беспощадный ко мне и бесконечно более жестокий к самому себе».

Пэй Мин замер, прижав ладонь к иероглифу «Сю».

«Ты превратил мою жизнь в жестокую игру, и всё же я никогда не поверю, что ты был совершенно бесчувственен ко мне.

В самом начале, когда ты взял меня в ученики, ты ведь хотел загладить вину, верно? Только поэтому ты окружал меня такой заботой все те месяцы. Каким же глупцом ты был... Уж лучше бы ты с самого первого дня ненавидел или презирал меня. Тогда, обрекая меня на муки, я бы просто терпел, стиснув зубы, какими бы глубокими ни были раны. Я бы вынес всё, потому что никогда не знал иного. Не ведал надежды — а значит, не падал бы раз за разом со скалы несбыточных грёз в бездну отчаяния.

Но ты подарил мне эту надежду.

На самом деле я не должен был испытывать к тебе такой слепой, всепоглощающей ненависти. Но ты поступил невероятно глупо: сперва бережно склеил моё разбитое сердце осколком за осколком, а затем безжалостно растоптал его, превратив в кровавое месиво».

«А когда ты явился в облике Жун Цзиня... моя уверенность в том, что ты безжалостно играл мной, окончательно рухнула.

Знаешь, каждый раз, когда я безрассудно бросался в бой или шёл на смертельный риск, ты никогда не сомневался в моём успехе. Но стоило мне получить хоть царапину, как ты места себе не находил от беспокойства.

Раньше я не придавал этому значения. Но теперь я понимаю: ты прекрасно знал, что мне, как пресловутому "протагонисту", не грозит гибель. И всё же твоё сердце разрывалось от жалости из-за каждой моей раны».

Божество в чёрных одеждах неподвижно замерло у могильной плиты. Время текло незаметно, пока небосклон не окрасился багрянцем заката. Золотые и багровые тона плавно сменяли друг друга, заливая остывающую землю прощальным тёплым светом.

Из вечерних сумерек соткался силуэт. К усыпальнице, опираясь на посох, медленно брёл сгорбленный старик в простых холщовых одеждах. Его шаги были неверными и шаткими. Не ожидав встретить здесь Божественного Достопочтенного, он растерянно замер, а затем поспешно опустился на колени для приветствия.

Пэй Мин очнулся от раздумий. Обернувшись, он присмотрелся к незваному гостю. Лицо старика показалось ему смутно знакомым. Годы безжалостно изменили черты юноши, превратив его в дряхлого старца, но во взоре этого человека всё ещё теплилось нечто глубоко врезавшееся в память бога.

—... Лю Фэн? — неуверенно спросил он.

— Достопочтенный всё ещё помнит меня, — старик смиренно склонил голову. — Для ничтожного это величайшая милость.

По правде говоря, Пэй Мин никогда не был близок с Лю Фэном. За все те десять лет, проведённых на Пике Люя, он до глубины костей выучил лишь облик Юэ Сючжи; из остальных обитателей он запомнил разве что лица тех двоих слуг, которые издевались над ним. С Лю Фэном он по-настоящему соприкоснулся лишь в параллельном мире, сопровождая маленького Юэ Сючжи.

Как ему доводилось слышать, до того как Лю Фэна и Лю Е приставили к тому ребёнку, они неотлучно служили Юэ Сючжи, выполняя обязанности главных управителей Пика Люя. В этом же мире, поскольку Пэй Мин никогда не получал их в услужение, верные слуги до самого конца оставались со своим господином.

— А где Лю Е? — спросил Пэй Мин.

Старик на мгновение растерялся, но затем тихо ответил:

— После кончины Владыки пика Лю Е тяжело занемог и вскоре преставился вслед за ним.

—... Сочувствую, — уронил Пэй Мин.

Владыка небес всегда оставался безучастен к бранным законам смертного удела — круговороту рождения, болезней и угасания. Он стоял слишком высоко, чтобы подобные пустяки тревожили его разум. Даже балансируя на грани жизни и смерти, он презирал саму мысль о кончине. Но сейчас в груди почему-то защемило. Это нельзя было назвать скорбью — лишь глухая, давящая тяжесть.

Старик печально, но кротко улыбнулся:

— Не стоит горевать, Достопочтенный. При жизни хозяин был чрезвычайно добр к Лю Е, и уйти вослед за ним — величайшее утешение для моего брата, у него не осталось сожалений. Лишь мне суждено было остаться и влачить это бесцельное существование долгие сотни лет.

Слова старика эхом отозвались в израненной душе Пэй Мина. Он вновь повернулся к надгробию, и его губы тронула горькая усмешка.

«Да уж, для тебя всё закончилось со смертью. Ты верил, что унесёшь правду о своём предательстве и своих жертвах в сырую землю, оставив похороненной навек. Но тайное стало явным, и теперь я вынужден один задыхаться от этой невыносимой боли».

Помолчав, Пэй Мин внезапно ухватился за ускользающую мысль:

— Лю Фэн, помнишь ли ты простого слугу по имени Шицзэ, что некогда прислуживал на Пике Люя?

В те тёмные годы, когда все узнали, что его меридианы запечатаны, и начали травить его, именно Шицзэ протянул ему руку помощи. Этот незаметный юноша отгонял обидчиков, втайне делился крохами еды и подкладывал мягкую вату в его рваное зимнее одеяние... Только благодаря его доброте Пэй Мин тогда выжил.

Но стоило Юэ Сючжи заточить его в темницу для регулярного забора крови, как Шицзэ бесследно исчез. Впоследствии, ведя свои демонические легионы на штурм Секты Девяти Сияющих Небес ради мести, Пэй Мин перерыл весь орден в поисках спасителя, но не нашёл ни единой зацепки. Тогда это казалось необъяснимым, но теперь всё встало на свои места. Открылась иная, ошеломляющая правда...

Старик нахмурился, силясь воскресить в памяти события минувших веков, и покачал головой:

— Великий владыка, должно быть, вы ошибаетесь. В реестрах Пика Люя никогда не числился слуга по имени Шицзэ. Всеми делами и распределением прислуги на пике ведал лично я. Пусть ныне я уже одной ногой в могиле, но те годы помню до мельчайших подробностей. — Старик твёрдо посмотрел на бога. — Если только «Шицзэ» не было вымышленным именем, то такого человека у нас никогда не существовало.

Пэй Мин медленно прикрыл веки, судорожно вдыхая прохладный воздух, и сделал короткий жест рукой, безмолвно веля Лю Фэну удалиться.

Когда шаги старика затихли вдаль, Пэй Мин закрыл лицо ладонью. Плечи его мелко задрожали, но нельзя было разобрать, плачет он или беззвучно смеётся.

«Вот оно что... Вот почему я не смог отыскать тебя, даже перевернув всю секту вверх дном».

— Глупый... — сорвалось с его губ. — Невероятно, невыразимо глупый.

«Подчинившись давлению этой проклятой Системы, ты вынужден был притворяться равнодушным ради какого-то бредового равновесия вселенной. Ты безропотно смотрел, как меня презирали и унижали... Но твоя собственная совесть не давала тебе покоя, и ты, презрев опасность, тайно принимал чужой облик, чтобы спасти меня.

Юэ Сючжи, ты всё-таки эгоист. Свои душевные терзания ты облегчил. Но обо мне ты подумал?»

Пэй Мин нежно провёл ладонями по каменной плите. Под его божественным прикосновением выбитые на надгробии знаки подёрнулись золотистым маревом и медленно перетекли из слов «Близкий друг Юэ Сючжи» в надпись: «Почтенный учитель Юэ Сючжи».

Он неотрывно созерцал эти слова. В его взгляде, затуманенном вековой тоской, явственно читалось безумное, непреклонное упрямство.

«Юэ Сючжи, ты безрассуден и эгоистичен. Ты превратил мою судьбу в посмешище, соткал из неё узор по своему капризу. Но почему даже сейчас именно я корчусь от этой невыносимой боли?

Потому что я наконец-то знаю: твоё тепло не было ложью. И когда ты наносил мне раны, твоё собственное сердце обливалось кровью. Ведь так?

Какое жалкое зрелище... Позволить неведомому чудовищу, именуемому Системой, сломить твою волю и загнать в эти тиски, превратив твою жизнь в непрекращающийся ад.

Юэ Сючжи. Пусть даже богам не под силу воскрешать мёртвых, но все эти дни в затворничестве я раз за разом творил ритуалы призыва. Тысячи раз я взывал к твоей душе, но не нащупал во тьме даже блёклой искры твоего естества. Твоё колесо перерождений пусто. Ты не перерождался.

А если сопоставить это с тем, как странно ведёт себя твой двойник в ином мире... У меня ведь есть все основания полагать...

Что ты на самом деле жив.

Точно так же, как погиб благородный Жун Цзинь, уступив место Юэ Сючжи, смерть Юэ Сючжи в этом мире ознаменовала твоё рождение там.

Ты ушёл, сохранив все воспоминания. Сбежал в ту, другую реальность. Я прав?»

Лишь когда сумерки окончательно сгустились, поглотив последний багровый блик уходящего дня, и запретные земли погрузились в кромешную тьму, Пэй Мин медленно повернулся спиной к могиле.

«Что ж, молчание — знак согласия».

<http://bllate.org/book/20589/2213562>